

А. А. Синицын*

**О ЗАДОРНОЙ КЛИО, ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ТАЛИИ
И ВОСПРИИМЧИВОЙ АФИНСКОЙ ПУБЛИКЕ
(Clio and Thalia: Attic Comedy and Historiography / ed. by
E. Baragwanath, E. Foster (Histos, Supplement 6). — Newcastle:
Newcastle University, 2017. — IV, 259 p.)****

Представлен обзор основных тем книги «Клио и Талия» (2017), посвященной взаимосвязям и взаимовлиянию двух жанров литературы — раннегреческого исторического повествования и древней комедии.

Ключевые слова: греческие историки, Геродот, Фукидид, комедия, Аристофан, публика.

A. A. Sinitsyn

*ON PROVOCATIVE CLIO, POLITICIZED THALIA,
AND THE SENSIBILITY OF THE ATHENIAN PUBLIC*

*(Clio and Thalia: Attic Comedy and Historiography / ed. by E. Baragwanath, E. Foster
(Histos, Supplement 6). — Newcastle: Newcastle University, 2017. — IV, 259 p.)*

The subject under discussion is the new book “Clio and Thalia” (2017) devoted to interrelations and mutual interference of the two literary genres, those of Attic Old Comedy and Early Greek Historiography.

Keywords: Greek historians, Herodotus, Thucydides, comedy, Aristophanes, Athenian audience.

Шестой том приложений к электронному журналу «Histos» посвящен двум веселым музам: «Клио и Талия: Аттическая комедия и историография». В кратком

---

* Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия; aa.sinizin@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, грант № 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

предисловии (р. I–II) редакторы-составители тома Э. Барагванат и Э. Фостер рассказывают, что он был подготовлен по материалам двух ежегодных конференций, которые состоялись в 2012 и 2013 гг. Авторы ставят перед собой цель, серьезно поговорить о «родственных» связях сестер-муз, покровительниц комедии и истории, их взаимодействии и взаимовлиянии, об общих темах и героях произведений исторического и комедийного жанров. Ведь если задорный нрав искони присущ Талии, то веселость музы Истории вызывает вопросы. Книга состоит из введения и шести основных статей («глав»), подготовленных семью исследователями. Каждый из разделов имеет свою библиографию.

Глава I «Введение: Клио и Талия» (р. 1–30) подготовлена Э. Барагванат и Э. Фостер. Это развернутое вступление освещает многие темы данного сборника и призвано «заложить основы для чтения статей, которые здесь представлены» (р. 2). Как указывают авторы, все собранные материалы «выходят за пределы нашей устоявшейся практики использования аттической комедии и историографии для их обоюдного прояснения, и ставят их в один ряд, чтобы поразмышлять о том, как они соотносились друг с другом в древние времена» (р. 1), со ссылкой на известную статью Х. Штрасбургера [32] и монографию В. Вилля «Геродот и Фукидид» [38], кстати, замечу, что ссылка на В. Вилля есть в этой статье и в другом месте, но в списке литературы его книга не указана (по-видимому, из-за невнимательности редакторов=авторов).

Барагванат и Фостер начинают разговор с суждения о специфике аудитории/аудиторий афинской комедии и историографии V века (все даты — до н. э.). Авторы ставят важные вопросы об активности и восприимчивости публики, о ее реакции на предлагаемый материал, они рассуждают о подготовленности аудитории, необходимых знаниях предшествующей литературы и театральных постановок, для того, чтобы адекватно воспринимать услышанное, наблюдаемое (в театре) или читаемое. Аудитория у драматургов и историографов была общей, поэтому «комические поэты и историки возлагали большие надежды на интеллект своей аудитории (и могли открыто ее критиковать, если чувствовали, что аудитория недостаточно умна)» (р. 4). Античные писатели принимали во внимание, что их публика должна быть подготовлена, образована, ведь иначе разного рода «цитаты» просто не имели бы воздействия и были бы лишены смысла. Барагванат и Фостер неоднократно ссылаются на Мэтью Райта о критике у комедиографов, но эта монография 2012 г. тоже почему-то упущена в библиографии к введению.

Авторы отмечают, что в классическую эпоху произведения историков и философов читали индивидуально или в небольших группах, независимо от того, присутствовал ли при этом сам автор или он отсутствовал (р. 6–7). По-видимому, так оно и было, хотя тезис о практиках группового чтения и обсуждения исторических сочинений требует более серьезной аргументации. Барагванат и Фостер говорят и о состязательном характере обоих жанров (р. 7–11). Отцы-историки разделяли интерес комедии к актуальным проблемам современности, при этом и те, и другие живо вступали в соревновательный диалог со своими предшественниками и с современниками.

В разделе «Историки и комические поэты в реальном времени» (р. 11–13) авторы рассматривают, каким образом два жанра реагировали на исторические

события, используя образы популярных политиков, рассуждая о войне и мире, о формах полисного правления (демократия, тирания), об имперской политике Афин и т. д. Через героев своих пьес поэт Аристофан транслировал собственные взгляды на актуальную современность, осуждая демагогов, дельцов, трусов, лживых и прагматичных «мудрил». «Отец истории», несмотря на его обращенность к прошлому, тоже присутствует в “real time” в своих «Музах»/«Истории» (р. 12–13). Фукидид и Ксенофонт рассказывали о тех событиях, в которые они были вовлечены, и таким образом историки сами становились действующими лицами своих сочинений.

Далее рассматриваются различные комические способы письма и эллинской историографии (р. 13–21). Барагванат и Фостер начинают с вопроса о презентации агрессивного юмора (“aggressive humour”) в обоих жанрах (р. 13–15). Чаще всего юмор и ирония использовались в биографиях исторических деятелей (р. 17–18). Говоря о «мрачном юморе» (“grim humour”) у Фукидида, Барагванат и Фостер заключают, что «Избегая личного и анекдотического, труд Фукидида обладает меньшим комическим потенциалом» (р. 18) в сравнении с историческими произведениями его коллег-современников (ср. более подробно в статье Д. Латайнера в этом томе: р. 32, 34, 47 ff., 60). В разделе С (р. 18–21) рассматриваются примеры иронии, гротеска, ужаса и всяческих нелепостей. Здесь авторы указывают на серьезные стороны Талии, поскольку аттическая комедия V в. затрагивала сложные политические и социальные темы. (Многочисленные примеры иронии в «Истории» Геродота рассмотрены в статье Р. Б. Резерфорда, которая была опубликована в следующем томе «Histos» за 2018 [24]).

«Черный юмор» (“black humour”) у Геродота авторы рассматривают (р. 19–20) на примере новеллы о царе Рампсините и хитроумном сыне строителя сокровищницы, заполучившем в итоге не только царские богатства, но и дочь царя в жены (Hdt. II. 121). А в следующем разделе говорится о влиянии афинской комедии V в. на историографию IV в. (р. 21–22). В заключении очерка указаны «точки пересечения» между комедией и историей (р. 22–24).

В главе II «Оскорбления и унижения в историографии и комедии пятого века» (р. 31–66) Дональд Латайнер на материале исторических произведений рассматривает свидетельства оскорблений в форме словесных колкостей, ругательств, анекдотов, а также различные невербальные способы оскорблений — жестов и действий, призванных обидеть и унижить оппонента. «Агрессивный юмор (“aggressive humour”), форма коммуникации, предшествующая всем литературным жанрам, проявляется в эпосе, лирике, трагедии, биографии и философии» (р. 32) (ср. [17; 18]). Произведения комических поэтов, ораторов и историков, многочисленные сцены аттической иконографии содержат массу примеров вульгарных насмешек и остроумных карикатур, непристойных поношений и злобных обвинений (порой вовсе не шуточных!).

В следующем параграфе «Сложная система оскорбления в Греции V века» (р. 34–41) рассматривается специфика эллинской культуры, одной из основных черт которой была состязательность. Участвуя в показательных играх, неотъемлемых для того времени, мужчины всячески старались отличиться, противостоя друг другу в тесном соседстве субкультур и более крупных

обществ, они старались превзойти своих соперников. Латайнер акцентирует внимание на преднамеренных оскорблениях.

Третий параграф «Ранняя греческая историография: Геродот, Фукидид и Ксенофонт» (р. 42–53) включает, соответственно, три раздела разных объемов, посвященных трем великим греческим историкам. И самый большой раздел А — «Отец истории как отец исторических оскорблений» (р. 42–47). «Оскорбления повышают ценность во многих логосах Геродота», — указывает автор (р. 42), что относится и к этнографическим аспектам «Истории». Ироничные сравнения и (о)суждения служили тому, чтобы развлечь аудиторию, на которую ориентировался Геродот. В разделе приводятся примеры того, как «отец истории» использует оскорбления в своих рассказах, анекдотах, забавных и острых характеристиках, зачастую с сексуальным или экскрементным «приукрашиваниями» (“with sexual or excremental ornaments”, р. 43).

Многие характеристики в устах геродотовских персонажей непристойны и служат тому, чтобы унижить собеседника/собеседников. Один из примеров — это слова персидского царя Ксеркса, сказанные о поведении Артемисии во время Саламинского сражения: «Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины — в мужчин» (Hdt. VIII.88). Эту фразу, уничижающую мужественность персидских воинов, ставящую их в положение (ниже) женщин, передавали эллины, смеясь над своими врагами-варварами. Как отмечает Латайнер, такого рода примеры служат тому, чтобы «феминизировать или инфантилизировать оппонентов» (р. 43). Еще один пример из «Муз», который здесь обсуждается, — переименование сикионским тираном Клисфеном дорийских фил по именам животных (Hdt. V. 68). Латайнер приводит и другие примеры «анимализации» (*animalise(s)*, *animalisation*) эллинов и варваров у Геродота (р. 44–46). Анимализация — это не только действенный способ издевательства персонажа над своим противником, но и прием, более отчетливо высвечивающий характеры героев Геродота. Показательный пример с Клеоменом и Криосом, гражданином Эгины (Hdt. VI.50), когда спартанский царь отпустил каламбур по поводу «животного» имени Криоса (κρίος — баран): «Покрой медью свои рога, баран (ὦ κρίε)! Тебя ждет большая беда» (см. р. 45).

В разделе В «Юмористические оскорбления в Ἐϋϋραφή Фукидида» (р. 47–52) собраны примеры ироничных острот или оскорбительных слов и выражений в «Истории Пелопоннесской войны». Латайнер отмечает, что Фукидид «избегает *bomolochia*, низкосортной брани комедии...» (р. 47), но приводит случай (р. 47–48) использования «феминизации и язвительной насмешки» (“feminises and taunts”) Клеона по адресу Никия во время прений в Афинском народном собрании по поводу Пилосской кампании (Thuc. IV. 27–28). Говорится о поведении Алкивиада и отношении афинского историка к этому герою (р. 48–49); рассматривается ἐρωτικὴ συντυχία в истории с тираноборцами (р. 49–50). О поведении выскочки Клеона историк пишет: «Среди афинян даже вызвали смех (γέλωτος) эти легкомысленные слова (κουφολογία) Клеона...» (Thuc. IV.28.5). И это еще одно из немногих мест о смехе в «Истории» Фукидида (р. 50–51; ср. в статье Э. Фостер в этом томе: р. 146).

Третьему из великих историков посвящен раздел С — самый краткий в этом параграфе (р. 52–53). Фактически, об иронии у Ксенофонта здесь всего полтора

абзаца. Латайнер останавливается лишь на одном пассаже «Греческой истории» (II.3.50–56), где рассказывается о смерти Ферамена. Ксенофонт восхищается героем, который произносит тост за своего убийцу и, выплеснув из чаши с ядом опивки как при игре в коттаб, называет убийцу своим любовником, тем самым феминизируя положение Крития. Игриво-ироничное и стойкое поведение Ферамена перед казнью часто сравнивали с поведением Сократа — более известного современника Ферамена, на что указывает и Латайнер (р. 52 n. 50).

В части IV собраны примеры оскорблений и унижений в Древней комедии (р. 53–58). На комической сцене потасовки и поношения изображались постоянно (р. 53–54). Такие сцены сопровождались площадной бранью, скабрёзными шуточками и невербальными жестами. «Комический мир наполнен бесчисленными *euruproktoi*, ‘gaping assholes’», — отмечает Латайнер и для разъяснения этого греческого словечка приводит (р. 54–55 n. 56) большую цитату из Аристофановых «Облаков» (Aristoph. *Nub.* 1083–1100), где слово *εὐρύπρωκτος* поэт использует 6 раз в 16 стихотворных строках. Кривда разъясняет Правде, что все судьи, трагедиографы, народоправцы и... все присутствующие в театре зрители суть *εὐρύπρωκτοι*. В русском переводе Адриана Пиотровского передано сглажено: «задастый / толстозадый», но греки понимали, что это словечко указывает на роль пассивного партнера в гомосексуальных отношениях, имеющего широченный *πρωκτός* (см. комментарии К. Дж. Довера: [14, р. 227, *ad loc.* vv. 1083 et 1084]); как следует из пьес Аристофана, *εὐρύπρωκτος* означало «бесстыдный, развратный, непристойный», которому соответствует латинское слово *cinaedus*.

Аристофан карикатурно изображает всех известных в Афинах политиков: Перикла, Клеона, Алкивиада, Никия, Гипербола — любимцев афинского театра эпохи демократии (о «галерее» политиков-κωμωδοῦμενοι см. [9, с. 447 сл.], с литературой в примеч. 205). Латайнер справедливо отмечает, что «смех зависит от сразу узнаваемых лиц и типов» (р. 55), поэтому-то популярными персонажами Древней комедии были те афиняне, о которых согражданам было больше всего известно. Служители Талии анимализировали, инфантилизировали и феминизировали известных личностей посредством политических, социальных и сексуальных оскорблений. Латайнер отмечает (р. 55, со ссылкой на К. Пеллинга) следующий парадокс менталитета афинян: как зрители в театре, они могли от души хохотать над дефектами и слабостями демагога Клеона — карикатуре всем известного политика, но затем на полисном собрании граждане могли проголосовать за этого самого Клеона, избрав его на государственную должность.

Из пьес Аристофана Латайнер приводит примеры анимализации — обзывание известных людей именами животных, сравнение со зверями и скотиной (р. 57). Исследователь упоминает (р. 58) еще одно обценное словечко из лексикона аристофановских героев — *κατάλυων*: аттическое название жеста среднего пальца руки (“the middle-finger gesture”), со ссылкой на известный пассаж из «Ономастикона» Поллукса (II.184).

В части V (в книге она ошибочно указана IV) Латайнер подводит итоги (р. 58–61). Здесь он вновь характеризует эллинское полисное сообщество как мужскую культуру, в которой важную роль играли злые выпады со-

граждан друг против друга. «Подчеркивание мужского статуса было игрой с нулевой суммой. Мужчина получал похвалу от своего окружения, когда он искусно принимал тех, кто считались равными с ним» (р. 59). Латайнер делает замечание (р. 59–60 п. 69) о *ῥαφανίδωσις* — слове, которое по-русски можно передать как «наредисить». Считается, что у эллинов будто бы существовало наказание прелюбодеев, когда мужчине вставляли в анус корнеплод — винного начиняли редькой/редиской (*ῥαφανίς*). Латайнер дает ссылки на «Облака» Аристофана (*Nub.* 1083: *ῥαφανίδωθῆν*), схолии к его же «Плутосу» и на издание «Облаков» Довера [14, р. 227, *ad loc.* v. 1083], при этом сам исследователь осторожен в обобщениях; он поясняет: «это предполагаемое наказание, ... каким бы редким или, возможно, гипотетическим оно ни было». Латайнер приводит пример из современности и дает ссылку на электронный ресурс, где говорится про так называемый «инцидент с огурцом»: в 1997 г. в штате Огайо женщины «на греческий манер» наказали мужчину, который был растлителем малолетних, вот только плод для наказания они избрали иной. Правда, финал у этой современной истории был американским: за сексуальное преступление (!) и киднеппинг были осуждены женщины. Вот вам пресловутая толерантность и декларируемая тотальная гуманизация эпохи модернити...

Очерк заканчивается указанием на точки пересечения Талии и Клио. «Древняя комедия была в высшей степени политизирована, как бы она не была смешной; а классическое историописание было необычайно приятным (не исключая смешного), хотя и политизированным» (р. 61).

В статье «Юмор, этнография и посольство: “История” Геродота (III. 17–25) и “Ахарняне” Аристофана (61–133)» Марк Мэш сопоставляет занимательный геродотовский рассказ о людях из племени рыбоедов (*Ἰχθυοφάγοι*), отправленных владыкой персов Камбисом к эфиопскому царю, с известной сценой в ранней комедии Аристофана (425 г. до н. э.), где показаны послы, прибывшие из Персии в Афины (р. 67–98). Автор опирается на суждения Дж. Ромма, который определил обличительную речь царя эфиопов как «этнологическую сатиру» Геродота (р. 68).

Мэш указывает (р. 69–71) места из аристофановских комедий (в основном из «Ахарнян» и «Птиц», хотя список параллелей здесь не полный), которые считаются пародией на те или иные этнографические пассажи труда Геродота. Влияние «Муз» на аттическую комедию — и прежде всего, на Аристофана — неоднократно обсуждалось исследователями и раньше. В двух основных разделах Мэш обстоятельно рассматривает этнографическо-комические сюжеты с посольствами: сначала в новелле Геродота об ихтиофагах (р. 73–80), а затем в «Ахарнянах» Аристофана (р. 80–91). Он приводит пространные цитаты из III книги Геродота, где царь эфиопов разоблачает замысел Камбиса и его посланников и иронизирует по поводу персидских *ποτοί* (р. 74, 75–76). Считается, что прозорливый эфиопский царь издевается над Камбисом, когда в обмен на целую вереницу его драгоценных подношений (драгоценных с точки зрения персов, но с точки зрения эфиопов — обманчивых и раболопных, р. 75) передает единственный дар — несгибаемый лук. Этот воинственный дар символизирует силу эфиопов и слабость персов, которые не способны справиться ни с луком, ни тем с народом, правитель которого его подарил.

Комментаторы Геродота также отмечали, что ответы ихтиофагов на свои вопросы о персидских предметах эфиопский царь использует как возможность посмеяться над персидскими *потои* и «дарами», воплощающими обманчивые намерения миссии посланников Камбиса. — Но! Пассаж Hdt. III. 38, который следует вскоре после эпизода с ихтиофагами, где Геродот осуждает безумное поведение Камбиса и критикует осмеяние иноземных обычаев, как считает Мэш, побуждает пересмотреть суждение об иронии эфиопского царя над персидскими *потои* (р. 79–80).

Далее Мэш подробно обсуждает этнографический юмор в сцене посольства в «Ахарнянах» (61–133). Он утверждает, что молодой афинский драматург включил эту сцену в свою комедию, поскольку был вдохновлен новеллой Геродота о визите ихтиофагов к эфиопам. Поэт обыгрывает те же темы и мотивы, что и «отец истории»: вычурность персидских нарядов, чревоугодие и неумеренное винопитие, лживость дипломатов и недоверие им со стороны Дикеополя (аналог царя «долговечных» эфиопов), тема персидского золота, иноземные *потои*, вызывающие смех эллинов (р. 84, 85 f.).

В третьем параграфе автор подводит итоги своего анализа сцен посольства у Геродота и Аристофана (р. 92–94). На мой взгляд, Мэш убедительно показал близость двух этих эпизодов. Конечно, Аристофан обрабатывает логос Геродота на свой лад — поэт ужимает и упрощает сюжет с персидскими послами, как того требовали законы той музыки, которой он служил. Отсутствие лексических совпадений в «Ахарнянах» и новелле об ихтиофагах Мэш объясняет (со ссылками на Нессельрата [22]) тем, что с «первоисточником» — геродотовой «Историей» — комедиограф, вероятно, был знаком не в рукописном варианте, а в устной форме (р. 92), когда слушал живое публичное чтение историко-этнографического сочинения «отца истории». Но кто и когда мог читать в первой половине 420-х гг. в Афинах вживую эти этнографические *логои* из «Истории»? На рубеже 430х — 420х гг. Аристофан был еще подростком. Насколько свежими были впечатления юного поэта от публичных чтений? Были ли эти чтения в авторском исполнении? Ведь с конца сороковых годов V в. «отец истории» поселился и надежно обосновался в новой панэллинской колонии Фурии, где получил гражданство ([1]; см. также [2, с. 16–19, 24–29; 10, с. 164–165, 176, 177, 178, 180–181, 279, 302–309, 365–366]; обсуждение см. в моей работе: [4, с. 399–400 и примеч. 136–138], с литературой). Наши источники сообщают, что историк там и умер, и был похоронен на фурийской агоре. В Фуриях или в Афинах завершил «отец истории» свой великий труд (как считает автор этих строк, но вопрос о степени завершенности геродотовского сочинения — это еще одна из дискуссионных тем; см. [5; 6; 7; 28])? Визит(ы) Геродота в Афины в 430-е гг. — это вопрос вопросов. Да и в каком «формате» могли проходить такого рода чтения теперь уже фурийского гостя, если все же его повторные визиты в град Паллады имели место в 430е — первой половине 420-х годов? Читал ли историк тогда именно этнографические *логои* или (что скорее всего) большим спросом у афинской аудитории пользовались его «лекции» по истории греко-персидских войн (вторая часть «Истории»? Эти «геродотовские вопросы» — отдельная большая и проблемная тема, обсуждение которой неуместно в данной рецензии. Но еще раз отмечу, что предположение Мэша об аристофановой обработке (*Ach.* 61–133) новеллы Геродота о персид-

ском посольстве (III.17–25) имеет свои резоны. И на примере этой параллели с «этнологической сатирой» (драматической и комической у историка и политически актуализированной у комедиографа) мы можем наблюдать в действии «творческий тандем» двух веселых муз — Клио и Талии.

Главу IV, казалось бы, с несмешным, а скорее даже «траурным» названием, «Смерть Никия: нешуточное дело» (р. 99–128), подготовил Дэниел Томпкинс из Темпльского университета Филадельфии. Хотя уже в подзаголовке статьи проглядывает ирония: “No laughing matter”. Автор является специалистом по Фукидиду и истории Афин классической эпохи, главный его источник о Никии — это «История Пелопоннесской войны».

В название первого раздела «“Я смотрю Фукидида”: сила языка у Фукидида» (р. 99–100) включена фраза Б. Л. Гилдерслива. Томпкинс приводит цитату из сочинения патриарха американского антиковедения, где говорится о значении частиц в древнегреческом языке и демонстрируется богатство нюансировки частицы *τοι* на трех примерах из речей героев «Истории» Фукидида — Перикла, Клеона и Никия. Теоретической основой для анализа Томпкинса стали труды Адама Пэрри, который на материале поэм Гомера и труда Фукидида исследовал разного рода языковые нюансы, функции отдельных частиц, устойчивые обороты и проч. На нескольких примерах из «Истории Пелопоннесской войны» Томпкинс призывает «двойную валентность» (*Double Valences*) интерпретации слов у Фукидида — как в речах героев, так и в повествовании автора (р. 101–104).

В кратком разделе «Никий и “благоразумие” в Афинах» (р. 105–106) Томпкинс анализирует пассаж Thuc. IV.28.5 по поводу передачи Никием полномочий Клеону. Как считали многие исследователи, здесь Фукидид не осуждает и не защищает позицию Никия, историк просто-напросто игнорирует его позицию (см. р. 106 n. 14). Томпкинс же считает, что слово *σώφρων* («благоразумный») в этом месте придает фразе ироничный характер и подчеркивает, что Фукидид вовсе не «игнорирует» позицию Никия, но, напротив, особенно внимателен к нему.

Далее автор приводит серию мест из «Истории», где говорится о *τύχη* / *εὐτυχία* Никия (в том числе и отзывы Алкивида о своем удачливом коллеге; например, Thuc. VI.17.1: «судьба благоприятствует Никию») (р. 106–108). Видно, что Томпкинс увлечен фигурой своего героя и можно согласиться с его замечанием, что «в повествовании (Фукидида. — А. С.) “удача” соединяется с “благоразумием” как Никиев лейтмотив (‘as a Nician Leitmotif’))» (р. 107). Но я бы возразил другому тезису Томпкинса, что судьба Никия определяется *τύχη* в большей степени, чем судьба любого другого Фукидидовского персонажа (р. 107, ср. р. 122); среди афинян — вероятно, так и есть, но из спартанцев с ним может «конкурировать» Брасид, военные успехи которого автор «Истории» превозносит, многократно используя выражения с *τύχη* и *εὐτυχία*.

Томпкинс анализирует свидетельства источника, которые демонстрируют парадоксы жизнеотношения Никия: его удачливость и в то же время его двойственное отношение к удаче/*τύχη*, его стремление к героической добродетели/*ἀρετή* (здесь же сопоставление с героями трагедии: р. 111, 112) и неоднократные попытки отказаться от руководства военным предприятием

(во время Пиросской кампании и Сицилийской экспедиции; см. р. 108–109), его умеренность, сдержанное «благоразумие»/σώφρων. Но Томпкинс отмечает, что «благоразумный» является словом многогранным», сбивчивая риторика Никия выдает характер оратора (см. р. 110–112 и 113–116). Все эти несмешные парадоксы по иронии судьбы приводят к гибели «везучего» Никия и афинское войско на Сицилии.

Как отмечает Томпкинс, «В бедственном положении Никия нет ничего “веселого” (*hilarious*)», но Фукидид изображает своего героя в решающий момент катастрофически некстати суеверным, излишне многословным, говорящим избитыми клише (*tired clichés*) (р. 117). Именно язык оратора делает его уязвимым, и внимательный читатель способен ухватить комизм положения Никия: неуместная патетика, повторы и штампы в словах афинского витии (здесь опять же акцент на тех нюансах, которые придают речи различные частицы, использованные историком). У аудитории Фукидида такие «штрихи к портрету» могли вызвать «смех унижения и презрения» (у Томпкинса со ссылкой на Холливелла). Как считает исследователь, фукидидовские характеристики Никия — через указание на его слабые стороны — разоблачают политика, побуждают смеяться над его неудачами. «Размышляя над источниками греческого смеха, мы можем почувствовать, что Никий находится всего в нескольких шагах от грубого осмеяния» (р. 117).

Бесспорно, самым важным отрывком, который характеризует Никия как персонажа «Истории» и отношение автора к своему герою, является краткий «некролог» в конце Седьмой книги (Thuc. VII.86.5). Анализ этого пассажа посвящен десятый параграф (р. 120–122). Последние слова афинского историка о своем современнике, согражданине, коллеге по должности (оба были стратегами в 424/3 г.) и, вероятно, своем старшем товарище, — эти слова Фукидида комментаторы понимали по-разному. Томпкинс возражает тем исследователям (р. 120 + п. 42, 44), которые усматривали восхищение автора своим героем в этих строках, лишенных, по их мнению, всякой иронии и двусмысленности. Но, уже имея опыт прочтения первых трех статей сборника «Клио и Талия» (и в первую очередь очерка Д. Латайнера), можно согласиться с Томпкинсом, что если взглянуть на описание Фукидида через призму комедии, то можно почувствовать, что в обществе, где считалось нормой смеяться над неудачами и слабостями других людей, неумелое поведение (тем более командира) — в делах или речах — могло вызвать открытое недовольство, злобу и презрение со стороны сограждан.

Исследование Томпкинса интересное, захватывающее, важное, высвечивающее аспекты личного отношения античных историков к своим героям, исследование, обогащающее наше понимание Фукидида, его стиля и его характеристик своих персонажей. Но и здесь уместно поставить вопрос об аудитории, на которую был рассчитан этот труд: насколько неторопливой и внимательной должна была быть работа читателя с текстом, чтобы почувствовать все нюансировки авторских характеристик? Насколько усердным должно было быть вчитывание современников Фукидида в текст «Истории», чтобы увидеть все эти намеки ее автора, его слабо уловимые штрихи, содержание двусмысленность и двойственность, «сложную и ироничную оценку жизни, которая закончилась столько печально» (р. 122)?

Цитата из Гилдерслива, которую автор приводит в начале очерка, заканчивается филологическим афоризмом: «Никогда не следует игнорировать дрожь на лице Фукидида». Мне импонирует истолкование Томпкинсом сложного «драматургического» подхода афинского историка к созданию образа Никия. Но для весомости тезиса о некомичной иронии необходимо исследовать в этом ключе фукидидовские принципы повествования на более широком материале, проводя сопоставления с другими персонажами «Истории».

В очерке Эдит Фостер «Клеон Аристофана и афиняне после Пелопоннесской войны: обвинения у Фукидида» (р. 129–152) взаимосвязи Клио и Талии исследуются в ином аспекте. Основными источниками Фостер здесь являются комедии Аристофана (в первую очередь «Всадники») и «История» Фукидида, главным образом 21–22 и 27–29 главы IV книги, где говорится о прениях в афинском народном собрании по Пилосскому вопросу. Статья состоит из введения (р. 129–134), двух параграфов, посвященных двум источникам — «Всадники» (р. 134–137) и «Клеон и обвинение у Фукидида» (р. 137–146), — и заключения (р. 146–148).

Фостер возражает против распространенного тезиса, суть которого в следующем: совпадения в характеристике Клеона, которые мы находим у Аристофана и Фукидида, являются результатом личной обиды того и другого писателей на афинского лидера, поскольку считается, что тот досадил каждому из них (см. литературу: р. 130–131 п. 5). По мнению исследовательницы, сходные по существу изображения Клеона Фукидидом и Аристофаном принадлежат к двум разным историческим контекстам. «Всадники» были поставлены в 424 г., так сказать, по горячим следам после удачной Пилосской кампании, а труд Фукидида создавался спустя 20 с лишним лет после этих событий. Фукидид писал свою «Историю» для той аудитории, которая знала пьесы Аристофана, а не наоборот (р. 131). Как считает Фостер, для воссоздания атмосферы тех лет афинский историк опирался на аристофановых «Всадников», и при создании образа Клеона он обыгрывал именно аристофановские темы (в частности, указание поэта на использование Клеоном доносов на своих политических конкурентов, р. 130, 134 ff., 137 ff.). При написании «Истории» Фукидид ориентировался на послевоенную публику (р. 132 f., 146 f.).

Во втором параграфе Фостер анализирует сцены народного собрания, изображенного в IV книге, и проводит параллели с Клеоном в аристофановских «Всадниках» (р. 141 ff.). В конце 400-х гг. — на момент возвращения Фукидида в родной полис из изгнания — Аристофан жил в Афинах, был творчески активен, был популярен, как и прежде. Но историк нигде не цитирует комедиографа и ни разу не упоминает о нем в своем труде (к вопросу об этом «умолчании» я возвращаюсь ниже, в обзоре очерка К. Бэрона). И все же совпадения портретов Клеона у наших авторов, как утверждает Фостер, позволяют говорить о том, что драмы комического поэта могли стать источником для историописателя. Воссоздавая образ Клеона, Фукидид отразил настроения сограждан послевоенного времени, которые рассуждали о мотивах поражения Афин в Пелопоннесской войне и мере ответственности за это поражение демагогов постперикловской эпохи.

Афинский историк показывает, что именно мнение большинства граждан в народном собрании позволило Клеону лишиться полис лидирующего положе-

ния в греческом мире. Это взгляд из послевоенного будущего афинян, когда Фукидид создавал свой исторический труд, восстанавливая те события, что шаг за шагом привели полис к катастрофе. Здесь опять возникает тема аудитории Фукидида и исторической памяти афинян «потерянного поколения», которые не только искали ответы на вопросы о пережитой и проигранной войне, но и искали связь с прошлым.

У Фостер присутствуют пересечения с другими статьями сборника: как и Томпкинс (см. выше), она акцентирует внимание на восприятии афинской публикой смешливой реакции афинского народного собрания на речь демагога Клеона в передаче Фукидида (IV.28.5) и говорит о «некомичном смехе у Фукидида» (“laughter in Thucydides is not comic”). Но Фостер подходит к рассмотрению пассажа Thuc. IV.28 с другой стороны: не с позиции образа Никия в фукидидовском изображении, а с позиции фукидидовского образа Клеона, соперника Никия. В целом статьи Томпкинса и Фостер — при различии тем и подходов авторов — удачно дополняют друг друга. Фостер делает отсылки к статьям Бэрона и Тордоффа, помещенным последними в сборнике «Клио и Талия». Есть и пересечения с работой Лагайнера (правда, без ссылок на него), где говорится о статусе смеха у Фукидида, который, в отличие от Геродота, избегал откровенных шуток. Во всей «Истории» о смехе в народном собрании упоминается лишь дважды: в IV.28.5 (где афиняне смеются над *κουφολογία* Клеона) и в VI.35.1 (где речи Гермократа вызывают смех некоторых сиракузян) (см. p. 146 n. 39).

Если принять основной тезис Фостер, и мы смотрим на Фукидида как на читателя Аристофана, то вывод оказывается весьма и весьма интересный: историописатель воспринимает аттическую комедию как исторический источник по истории Афин эпохи Пелопоннесской войны, которая является главной темой его труда. Он воссоздает портрет одного из политиков эпохи Ахидамовой войны по штрихам поэта (пусть и комическим штрихам). Таким образом, Фукидид заложил традицию для историографии следующего, четвертого, столетия, для которой комедия стала важным историческим источником (о чем речь идет в статье К. Бэрона) (p. 146–147).

Но остается вопрос: являются ли совпадения в трудах Аристофана и Фукидида, которые замечает Фостер, свидетельством заимствования и влияния (мы возвращаемся к исходной позиции)? В этой задаче есть одно неизвестное. Допустим, что историк писал не только по личным воспоминаниям о тех памятных дебатах в афинском народном собрании в июле 425 г., после которого Клеон возглавил Пилосскую экспедицию. Это собрание было уникальным, и, скорее всего, Фукидид сам был участником этих прений, принимая во внимание его интерес к военным событиям, увлечение политикой и политиками, и то, что в следующем году он будет избран на должность стратега (см. [8]). С осени 424 г. стратег Фукидид был послан с заданием на Фракийское побережье, а после потери Амфиополя он более 20 лет (до 403 г.) находился в изгнании — за пределами Афинской архэ. Все эти годы историк продолжал работу над трудом своей жизни, собирая материал и составляя текст. Но мы не знаем о последовательности создания отдельных книг «Истории» и дате публикации сочинения. Этот самый важный «Фукидидовский вопрос» не р а з р е ш и м (литература по теме огромна).

Глава VI «Память и риторика сотерии/Σωτηρία в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании»» (р. 153–210) — самая большая в этом томе ($\approx 1/4$ объема), в два с половиной раза превосходящая предшествующую статью Фостер: полсотни страниц основного текста + библиография, включающая свыше полторы сотни наименований. Ее автор Роб Тордофф — преподаватель Йоркского университета в Торонто, специалист по аттической комедии и истории классических Афин. Р. Тордофф ставит вопрос об причинах частого упоминания о σωτηρία в аристофановских «Экклесиазусах» («Женщины в народном собрании») и предлагает прочтение этой комедии в контексте социально-политической истории афинского полиса на рубеже V–IV вв. Автор начинает с обсуждения дискуссионного вопроса о времени создания и постановки «Экклесиазус» (р. 154 ff., литература: р. 154–155 п. 4), но сам склоняется к наиболее распространенному взгляду на датировку: весна 392/1 г. В этой смешной пьесе о заговоре женщин — с переодеванием, гендерной тематикой «шиворот-навыворот», женскими уловками и одурачиванием — гражданки-экклесиазтки поднимают вопрос о спасении Афин. Героиня Праксагора созывает подруг и наставляет их, чтобы в народном собрании они убедили мужей передать власть в государстве в руки своих жен.

Тордофф анализирует речь Андокида «О мире», из которой видно, какие шли дебаты по поводу мирных переговоров между Афинами и Спартой и той панике среди граждан, что была вызвана этими переговорами (р. 155, 157–165). Многие афиняне боялись, что мир со Спартой приведет к упразднению демократии и утрате надежды на σωτηρία. Андокид стремился противостоять панике, указывая на несостоятельность этих опасений. По мнению Тордоффа, такого рода дискурсы о перемирии могли побудить Аристофана в 392/1 г. ретрансмировать в памяти сограждан события предыдущих десятилетий. Не случайно, как считает исследователь, за 20 лет до этого, в 411 году, когда в Афинах произошел олигархический переворот, Аристофан поставил две другие свои «женские пьесы» — «Лисистрата» и «Фесмофориазусы».

Принципиально важной в исследовании Тордоффа является тема памяти. Поэтике памяти в «Экклесиазусах» посвящен параграф III (р. 165–172). Автор утверждает, что именно эта комедия, как никакая другая из пьес Аристофана, имеет отношение к памяти, истории, прошлому (р. 156–157, 168); в ней встречаются параллели с современным историописанием, а именно с Фукидидом. И Аристофан, и Фукидид понимали, что после поражения в Пелопоннесской войне в Афинах шла идеологическая борьба за взвешенный оценочный подход к истории, шла борьба за прошлое полиса. Тордофф исследует вопрос об аудитории комедии «Экклесиазусы» (р. 166 ff.) — знании афинянами прошлого, о памяти сограждан Аристофана для их понимания риторики σωτηρία, которой наполнена эта комедия, чтобы вызвать в памяти зрителей «хорошо известный риторический лозунг “сотерия полиса” и его политическое использование в предшествующие 20 лет афинской истории» (р. 172).

Тордофф говорит о частотности употребления Аристофаном слова σωτηρία и связанных с ним в драмах V в.: один раз в «Ахарнях», от 4 до 7 случаев употребления в других комедиях, но многократно в «Лисистрате» и «Лягушках» (р. 174 f.; σωτηρία у Аристофана: р. 174 п. 62; ср. в трагедиях Еврипида: р. 175

п. 63). Исследователь считает, что эта статистика свидетельствует о том, что частота употребления слова *σωτηρία* в драмах Аристофана возрастает, когда риторика спасения государства становилась актуальной в истории Афин — при олигархическом перевороте 411 г. (время постановки «Лисистраты») и в последний год перед позорным окончанием Пелопоннесской войны («Лягушки» были поставлены в 405 г.).

Разделы V и VI посвящены анализу риторики *σωτηρία* в «Истории» Фукидида с отсылкой к событиям 411 г. (р. 178–196), а следующий VII раздел — риторике *σωτηρία* после 411 г., здесь главным образом на материале речей Лисия (р. 197–199). Тордофф дает подборку всех случаев упоминания *σωτηρία* (37) и прилагательного *σωτήριος* (3) у Фукидида: р. 178, п. 74. Для других авторов, с текстами которых работал Тордофф, я эти показатели не сверял, но для «Истории Пелопоннесской войны» просмотрел *TLG* и словарь Э.-А. Бетана; отмечу, что в ряде мест исследователь даже уточнил те указания к слову *σωτηρία*, которые имеются в классическом французском «*Lexicon Thucydideum*» (ср. [12, р. 432, s. v. *σωτηρία*]), но при этом некоторые его ссылки на параграфы глав в книгах «Истории» оказались неточны, например, V.105.3(4); V.111.1(2); VIII.53.3 *bis* (2, 3) (в скобках указаны реальные места).

Обычно считают, что комедиям позднего периода творчества Аристофана недостает той актуальности и политической тенденциозности, которые свойственны его пьесам, созданным в последней четверти V в. Но, по мнению Тордоффа, «Экклесиазусы» являются политически злободневной пьесой. Он утверждает, что здесь Аристофан возвращается к темам, которые он рассматривал 20 назад — об олигархии, политическом перевороте. Новое и неожиданное значение придавал истории и памяти реакция на возможность заключения мира со Спартой в 392/1 г. Результатом стала ожесточенная борьба за контроль над прошлым Афин как средством управления настоящим и будущим полиса.

Тордофф завершает очерк серией вопросов об «Экклесиазусах» и определением перспектив для будущих исследований этой важной «историографической» комедии и творчества Аристофана в связи с политическим дискурсом начала IV века (р. 200–201). Новаторство «Экклесиазус», как утверждает Тордофф, состоит прежде всего в связанности с чувством истории, пьеса представляет собой проект, аналогичный «Истории» Фукидида, но представленный в комической форме (р. 202).

В последней главе VII этого тома «Комедия и история, теория и свидетельства у Дуриса Самосского» (р. 211–239), подготовленной Кристофером Бэрном, также рассматриваются взаимосвязи Талии и Клио, но эти связи иного рода. Автор обращает внимание на один пассаж из марцеллинового «Жизнеописания Фукидида» (Marcellin. *Vita Thuc.* 29–30), в котором биограф сообщает, что Фукидид был современником комического поэта Платона, как говорит об этом Праксифан (IV–III вв.) в своем сочинении «Об истории». Со ссылкой на старую работу Рудольфа Хирцеля, К. Бэрн отмечает («Если прав Хирцель...», р. 213), что это единственное сохранившееся упоминание о трактате Праксифана «Об истории», и в нем сопряжены афинские писатели V в.: историк Фукидид, комедиограф Платон, трагедиограф Агафон и другие. Бэрн ставит вопрос: что могли бы сказать друг другу Фукидид и Платон, который был современником

Аристофана? (р. 213; ср. р. 233–234, где в заключении автор возвращается к исходному вопросу). Исследователь отмечает, что ученик Феофраста грамматик Праксифан мог включить в свой труд отголоски дискуссии между Платоном и Фукидидом относительно того, как история и поэзия передают слова и поступки людей. Взаимосвязи между Клио и Талией Бэрон рассматривает как диалог во времени. Он показывает, что к началу III в. греческие интеллектуалы теоретизировали о написании истории и, особенно, о том, какое место история занимает среди прочих литературных жанров — и поэзии, и прозы (р. 215 ff.).

Насколько мы можем судить на основании тех материалов, что до нас дошли, историки V в. крайне редко обращались к комедиографам (примеры такого рода представлены в двух предыдущих очерках — Э. Фостер и Р. Тордоффа; см. выше), а вот фрагменты историков IV в. (Феопомпа, Эфора) свидетельствуют о серьезных размышлениях авторов относительно задач и специфики произведений исторического жанра, относительно характера исторических источников и достоверности их сведений. Использование Древней комедии в качестве источника по истории Афин Бэрон рассматривает на материале фрагментов сохранившихся сочинений Дуриса Самосского (III в.). Этот эллинистический историк обращался к комедии чаще, чем его предшественники. Как показывает Бэрон, Дурис включал материал комедий в свои исторические труды, поскольку считал, что поэзия способна оживить и обогатить повествование. Цитирование комической поэзии Дурисом согласуется с его стремлением к красочности исторического рассказа.

Речь идет не о «духовном родстве» Клио и Талии, не о влиянии комического на труды историков позднеклассической и эллинистической эпох. Для древнегреческого историописания определяющим становится не развлекательный принцип повествования, но отыскание истинны, как определяет Фукидид: реконструировать прошлое «с помощью наиболее достоверных свидетельств» (Thuc. I.21.1 и его пресловутый принцип κτήμα ἐς αἰεὶ, *ibid.* I.22.4). Вослед за «прагматическим» и слишком уж «серьезным» описанием афинского «отца истории», который оказал влияние на многих эллинистических историков (здесь и Полибиев принцип *πραγματικῆ ἱστορίας*), историописание эллинов (да и всей античности) по большей части сформировало традицию, которую в немецкой историографии принято определять как *tragische Geschichtsschreibung* (см., например, [39; 37; 30; 19; 15; ср. в рецензии М. Майера: «Фукидид выступает как важный предшественник “трагической историографии” (“als wichtiger Vorläufer der ‘tragischen Geschichtsschreibung’) в эллинизме» [20]).

Много написано о том, почему Фукидид отказывается от цитирования афинской драмы, причем даже в тех случаях, где это, казалось бы, уместно и необходимо. В объяснении этого «избегания комедии» (“avoidance of comedy”, р. 225) Бэрон следует общему мнению: афинский историк придерживался исключительно своей главной темы (Пелопоннесская война) и строго следовал методологии, определенной им в самом начале труда: недоверие поэтам, представляющим события искаженно, заботясь не об истине, но только о том, чтобы произвести приятное впечатление (Thuc. I.21). Я не соглашусь с объяснением, которое Бэрон указывает дополнительно, мол, Фукидиду была неприятна грязная критика Перикла в аттической комедии (специально об «афинском

олимпийце» у комедиографов: [25]; см. также: [23; 26; 27; 34; 35; 36] и новый сборник «Аристофан и политики»: [11]). Этот тезис несостоятелен по причине того, что нам известно о Древней аттической комедии, где потешались надо всеми и надо всем (почти) без обид, причём такого рода публичные театральные осмеяния (зачастую грубые, унижающие) были на руку афинским политикам, придавая им еще большую популярность (см. выше, в обсуждении первых трех очерков этого сборника). Много было сказано о параллелях, которые обнаруживаются у Фукидида и комедиографов (и даже трагиков — Софокла и Еврипида). Но остается вопрос: почему же в «Истории» нет ни одного случая цитирования и даже упоминания кого-либо из популярных авторов, сограждан-современников, служителей Талии, мастеров политической комедии? Ведь последних беспокоили актуальные вопросы современности — война и мир, гражданин и полис, демократия, олигархия и тирания, моральный кризис общества, болтуны-популисты, проч., — но эти же проблемы нашли отражение в труде нашего историка, значит, они его также интересовали и волновали. Является ли эта «фигура умолчания» Фукидида принципиальной для него, т. е. действительно ли он умышленно (и даже будто бы демонстративно) не обращает внимание на современных деятелей культуры?

Как показывает Бэрн, историки IV и III вв. использовали тексты комедиографов V в.: Платона, Евполида, Гераклида и других поэтов, современников Аристофана. А хиосский историк Феопомп «находился под влиянием политической комедии» Аристофана и Евполида, хотя Бэрн оговаривается, что у нас «нет прямых доказательств, подтверждающих это» (р. 226). Из более чем 400 сохранившихся фрагментов Феопомпа нет ни одного, в котором бы сохранились следы цитирования комедиографов. Но есть прямые доказательства использования Дурисом комических стихов в качестве иллюстраций своих тезисов, что свидетельствует об эрудиции самосского историка и его интересе к различным жанрам. Такая практика согласуется с собственным предписанием Дуриса о необходимости живости в историческом повествовании (р. 231, 232–233). В финале Бэрн сетует на то, что до нас не дошли теоретические трактаты Праксифана и других античных филологов, обращавшихся к проблеме использования комедии историописателями. Его финальный тезис отсылает к общей теме сборника о Клио и Талии: эти два жанра, «которые на первый взгляд имеют мало общего, возможно, все же могли что-то рассказать друг другу» (р. 234).

Очерк Бэрона единственный во всем рецензируемом сборнике, где не рассматривается проблема аудитории. Именно этим его фундированная и важная работа «выбивается» из общего тона сборника, посвященного теме Клио и Талия. Автор даже не ставит вопрос о читателях исторических сочинений. Его интересует политическая комедия последней четверти V в. как исторический источник для историописателей IV–III вв. Но было бы уместно хотя бы эскизно представить тему аудитории этих исследователей-интеллектуалов — наследников традиции Фукидида. Это вписалось бы в общую проблематику сборника.

В последнем разделе тома помещен индекс (р. 241–259), где указаны литературные источники, надписи, схолии и папирусы, которые использованы авторами. К сожалению, в книге отсутствует именной указатель, который

был бы уместен, учитывая широту античных и современных имен, встречающихся в этом сборнике.

Бесспорно, каждый раздел сборника является значительным исследованием по теме пересечений Клио и Талии. Все статьи проблемные, напряженные, увлекательные, задорные. Здесь есть, с чем спорить, что обсуждать. И мне хотелось бы высказать несколько замечаний общего характера.

Введение и основные разделы книги обозначены как главы коллективной монографии (поэтому и в данном обзоре используется слово «глава»), но это собрание статей можно назвать «монографией» разве что условно. В сборнике освещаются лишь отдельные проблемы взаимодействия Клио и Талии на материале отдельных источников, он не дает широкого охвата заявленной темы и не представляет собой систематическое обсуждение взаимосвязей между комедией и историописанием. Здесь нет почти никого из аттических комедиографов, кроме Аристофана. Конечно, Аристофан — «отец комедии», от его богатого творческого наследия полностью сохранились 11 пьес и около 1000 фрагментов. Никто не спорит с тем, что Аристофан — *number one* в любом разговоре не только о Древней комедии, но и вообще о служителях Талии. Но ведь были десятки других комедиографов, его коллег, от произведений которых до нас дошел достаточно весомый архив — отрывков, конечно, но это не умаляет их значимости как источников. К большому сожалению, этот корпус фактически не учтен составителями рецензируемого сборника. В статьях разных авторов встречаются эпизодические упоминания Евполида, Евбула, комедиографа Платона, Гермиппа, Кратина и некоторых других комических поэтов, современников и соперников Аристофана, но все это лишь ссылки *ad locum*, и, по большому счету, они не вовлечены в дискуссию по теме Клио и Талия (кроме статьи Бэрона, где говорится об упоминании «малых комедиографов» историками IV и III вв.).

То же самое можно сказать про круг исторических произведений, который ограничивается по сути двумя именами: Геродот и Фукидид. Я уж не говорю о легионе «праотцов истории» — «догеродотиках» или современниках галикарнасского и афинского мэтров, — от сочинений которых дошли не только крохотки, но и существенные фрагменты, например, из Гелланика, Ферекида (тот и другой лишь дважды упоминаются в сборнике) и других. Однако в «Клио и Талии» почти ничего нет о Ксенофонте — третьем из тройки великих древнегреческих *patres historiae*. О комическом у Ксенофонта во всем томе имеется по «паре строк» в очерке Э. Барагванат и Э. Фостер (р. 15–16, 17) и у Д. Латайнера (р. 52–53). Хотя «младшему брату» Геродота и Фукидида, продолжателю дела последнего из этой пары «первосвященников Клио», можно было посвятить отдельную главу. Да и не только Ксенофонту, ведь составители тома ставили широкие задачи в исследовании «тандема» двух веселых муз — за пределами V и IV столетий. Поэтому помимо Дуриса, которому посвящен последний раздел тома, а также Эфора (р. 215, 226) и Феопомпа (р. 226–233; в статье Бэрона), можно было бы учесть труды других историков IV–III вв., их современников, в первую очередь, конечно, аттидографов Клидема, Фанодема, Андротиона, Филохора и других (ссылки на последнего встречаются лишь в очерке Тордоффа). Материал здесь не богатый, но важный для об-

суждения темы афинской Древней комедии и исторической памяти эллинов в позднеклассическую и раннеэллинистическую эпохи. К тому же проблема взаимовлияния Клио и Талия в аспекте античной рецепции ранее специально не ставилась, в отличие от темы Геродот/Фукидид и комедия (*et vice versa*) или темы иронии в произведениях «отцов истории». Еще раз отмечу, что сборник важный и интересный, но не хватает полноты, и это не монография.

Отсутствие широкого охвата темы дополняется и отсутствием единства оформления издания. Книга готовилась долго, но в итоге оказалась вычитана некачественно. Как я уже отметил в начале, во вводной статье несколько раз даны ссылки на книгу В. Вилля (р. 1, п. 2; р. 20, п. 55), но саму работу Вилля все же указать забыли. Имеется ввиду книга «Геродот и Фукидид: Рождение истории» (2015), где речь идет об «отцах истории», и последняя часть шестой главы называется «Смех и комизм» [38, S. 109–114]. То же и с монографией М. Райта — в статье ссылки на нее есть (р. 4 п. 12, 5 п. 15, 7, 23 п. 61), а в списке литературы она отсутствует. Напротив, в библиографии к разделу, подготовленному Томпкинсом, названа работа американского политолога Р. Гилпина, которая в самой статье не задействована (*sic!*). Д. П. Томпкинс неоднократно упоминает Ф. Ницше (р. 101, 102, 116 и др.), но ссылки на работу немецкого философа (здесь единственную) даны с ошибкой: в библиографическом списке год первого издания «К генеалогии морали» указан верно — 1887ой, однако в примечаниях к статье дважды встречается 1878 г. (*sic!*): Nietzsche 1878 (р. 102 п. 7 и 117 п. 36). В статье Э. Фостер неоднократно (р. 129 п. 1, 138 п. 26, 152) приводятся неверные ссылки на работу А. Цакмакиса и Я. Костопулоса о Клеоне [33]: здесь указан 2013 год издания сборника «Фукидид — жестокий учитель?», хотя он вышел на два года раньше — в 2011 году.

Название комедии “Hippeis” («Всадники») в большинстве статей передано как “Knights”, но также “Equites” (см. *Index locorum*) и “Cavalry” (р. 165 прим. 38; 174, хотя в указателе этот вариант не учтен, см. р. 243, col. 1). Всюду в сборнике разноречивой в написании имен: Alcibiades / Alkibiades; Pericles / Perikles; Socrates / Sokrates; Thoukydides / Thukydidies (причем, различное написание есть на одной странице); Cleophon / Kleophon; Cleon / Kleon; Cylon / Kylon; Nicias / Nikias; Cleomenes / Kleomenes; Achilles / Akhilleus; Electra / Elektra; Heracles / Herakles; Aeschylus / Aiskhylos; Aeschines / Aischines, но еще и Aiskhines (*NB*: все варианты этого имени в рамках одной статьи) и проч. Вот и попробуй при таких расхождениях найти по поисковику нужное имя в тексте.

Та же проблема и с окончаниями греческих имен, написание которых в сборнике различно: Herodotus / Herodotos; Hyperbolus / Hyperbolos; Hermippus / Hermippos, а то и Cratinus / Kratinos; Nicomachus / Nikomakhos; Phrynichos / Phrynichus; имя Платон (и философа, и комедиографа) у всех авторов дано как Plato, но у К. Бэрона полтора десятка раз встречается Platon (хотя в его же статье в таблице 2 дважды указано Plato, р. 221), *et al.* Разноречивой в написании географических названий и граждан полисов: всюду название поселения Kolonus, но при этом в индексе название Софокловой драмы по-английски указано “Oedipus at Colonus”; также Corinthian / Korinthian; Decelea / Dekeleia; Attic(a) / Attika; Laconic и Laconian(s) либо Lakonic и Lakonian(s); в статье Д. Латайнера неоднократно “Akharnians” (р. 31, 34, 55, 56), но у него же на с. 57 “Acharnians”.

В статье Р. Тордоффа дано название комедии “Acharnians” (р. 174), но при этом “the deme of Akharnai” (р. 179 n. 77).

Сокращения имен авторов и названий произведений тоже, надо сказать, неуместно многовариантны: *Hellenica* / *Hellenika*; *Ach.* / *Akh.* (ссылки на комедию «Ахарняне»); *Lyc.* / *Lyk.* (Плутархов «Ликург»), Ксенофоновы и Плутарховы *Lac.* / *Lak.*; имя Андокида — *Andok.* либо *Andoc.*; *Ar.* / *Aristoph.* (Аристофан); *Ar.* / *Arist.* (Аристотель); ссылки на Фукидида встречаются в сборнике в трех вариантах: *Thuc.*, *Thuk.* и еще *Thouk.* и т. д., и т. п. Только М. Мэш оговаривает в начале своего очерка, что использует транслитерацию древнегреческих слов и «все авторы, исторические лица и места... указаны в латинской форме (e. g. *Thucydides, Alcibiades, Attica*)» (р. 153 n*).

Различны написания греческих слов, переданных латиницей, в первую очередь это касается диакритики. Встречаются лишние ударения в греческих словах: *φιλοβάρβαρος* (р. 92 n. 54); или неверно поставленный знак придыхания: *ἄνδρες* (р. 88) и проч. Есть ошибки в приводимых цитатах из источников, например, говоря о жанре «Аттида» (*Atthis*) (р. 211 f.), К. Бэрон допускает *lapsus* в греческой цитате из Марцеллина: *Ἀνδροτίων ἐν τῇ Ἀττίδι* (р. 212 n. 2), вместо *ἐν τῇ Ἀτθίδι* (*Marcellin. Vita Thuc.* 28). В другом месте в статье того же автора «выпал» кусочек текста из Марцеллина (*Ibid.* 30): *καὶ ἐπεὶ μὲν ἔζη Ἀρχέλαος, ἄδοξος ἦν ὡς ἐπὶ πλείστον, ὡς <ό> αὐτὸς Πραξιφάνης δηλοῖ, κτλ.* (отсутствующая в цитате фраза здесь мной подчеркнута). Немало случаев *lapsus calami* иного рода. Например, в прим. 63 к статье Д. Латайнера (р. 57) дана неточная ссылка на Аристофановых «Ахарнян»: 524–522 (*sic!*); здесь «обратный отсчет», а следовало указать: *Ach.* 520–521.

Такого рода расхождения в оформлении выглядят нелепо в рамках одного издания. Редакторам следовало приложить усилия, чтобы оформить все части по единому принципу.

Д. П. Томпкинс указывает на то, что литературные произведения некомические по содержанию иногда сами авторы относили к жанру комического. В качестве примеров он называет (р. 124) шпионский роман английского писателя Дж. Конрада «Тайный агент» и философский роман Т. Манна «Волшебная гора» (жанр которого немецкий писатель определил как “*humoristische Nihilismus*”). Из русской классики я бы дополнил две пьесы А. П. Чехова. «Чайку» драматург назвал комедией, хотя психологическая нервозность всех героев драмы создает у зрителя напряженное ожидание трагической развязки. Убитая героем чайка, его попытка покончить с собой и самоубийство в финале пьесы, искалеченная жизнь Нины Заречной («Я — чайка»), неразделенная любовь Маши и проч. — всё это, казалось бы, далеко от комедийного. Да и «Вишнёвый сад» — пьеса, жанр которой Чехов определил как комедию, не имеет ни радужного конца, ни юмористического содержания: над кем смеемся? Да и смеемся ли, когда смотрим на сцене (или ныне на экране) эти произведения русского классика? «Константин Гаврилович застрелился...»; последние слова Фирса, «Звук лопнувшей струны, ... слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». В финальных фразах этих драм звучит мотив смерти, гибели — героя, сада, небольшого привычного мирка, старого мира... И конечно, “*no laughing matter*”, однако драматург называет свои пьесы комедиями. В данном случае понимание

комедии — это отстраненная позиция наблюдателя (автора / зрителя), которому терзания действующих лиц кажутся смешными — люди несостоявшиеся, жалкие, страдающие, мучимые страстями, сами себя загнавшие в угол.

Часто Древнюю аттическую комедию определяют как зеркало полисной жизни, причем как «кривое зеркало»: она высмеивала социальные пороки и изъяны отдельных лиц, обличала и воспитывала сограждан (ср.: «Эффект зеркала (“над кем смеетесь”?) — высшего порядка: так учит эстетически глубокая драма» [3, с. 184, примеч. 509]). И в этом искаженном отражении зеркала в комичной и утрированной форме показаны бытовые сцены реальной жизни, в которых публика афинского театра запросто могла узнать себя. Как смачно расписывает Латайнер,

Аристофан предоставляет откровенный и метафорический словарь для таких действий как испражняться, мочиться, хрипеть, отхаркивать (плевать и блевать). Анимализация ('animalise'; сравнение с животным. — А. С.), феминизация ('feminise'; сравнение с женщиной. — А. С.), инфантилизация ('infantilise'; сравнение с ребенком. — А. С.) и/или варваризация ('barbarise'; сравнение с инородцами-варварами. — А. С.)... своего оппонента, что умаляло его положение в обществе ('diminishes his standing'). Собственно сексуальный акт (изнасилование или его аналог), хоть и не в такой мере, как нанесение увечий или убийство, в конечном счете, унижает своих (греков. — А. С.) или иноземных противников (р. 39).

В этом смысле образцово-показательными являются тексты аттических комедиографов, которые ничуть ни жалели своих соперников: «грубые мужланы» (ἄνδρες φορτικοί, Aristoph. *Nub.* 524), обзывали, обличали, всячески унижали, и, можно сказать в этом же духе, по стенке размазывали. Ради красного словца по всем тогдашним правилам искусства смешивали коллег с грязью (а то и с чем похуже). И все это во славу искусства, во имя Диониса и Дике, ради верного служения покровительнице Талии.

А завершу я свой обзор замечанием культурологического характера. Читая очерк Д. Латайлера в этом сборнике, действительно, может показаться, что юмор эллинов был более прямолинеен, откровенен и жесток, но все-таки, я бы воздержался от сравнения (конечно, лестного для современной публики), которое Д. П. Томпкинс приводит из статьи Н. Слэтера: «Зрители пятого века, похоже, обладали несколько более жестоким чувством юмора, чем мы» (р. 116 п. 35). В качестве примера, призванного убедить читателя в пущей грубости юмора в древнегреческой культуре в сравнении с современной, Слэтер приводит [29, р. 358] смешную сценку из Аристофановых «Ахарнян» (729–835), в которой голодный мегарский купец продает на афинском рынке двух маленьких дочек-свинок. Конечно, дети в обмен на еду — это ужасно (и ужасно смешно у Аристофана!), и все же, что касается современных комедий, например, в кино, то цинизм, садизм, аморализм, имморализм и прочие «-измы», отражающие дух *black comedy* (в частности, американских кинокомедий), на мой взгляд, ставят сценку с мегарскими χοιρίδια в «Ахарнях» в положение какой-то детской шутки: Χύρρε, χύρρε / Κοϊ, κοϊ, κοϊ. Я ничуть не идеализирую эллинов, скорее, этот ответ на реплику Слэтера (и Томпкинса) как упрек современной культуре. Поистине, «Когда бы грек увидел наши игры...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Борухович В. Г. Геродот галикарнасец или Геродот фуриец? (К вопросу об авторской редакции введения в «Историю» Геродота) // Вестник древней истории. 1974. № 1 (127). С. 127–132.
2. Лурье С. Я. Геродот. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 212 с.
3. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М.; СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 816 с.
4. Сеницын А. А. Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 363–405.
5. Сеницын А. А. Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (по поводу одного «интересного нюанса») // Античный мир и археология. 2013. Вып. 16. С. 39–55.
6. Сеницын А. А. Геродот об изгнании варваров из Европы и проблема завершенности первой «Истории» // Метаморфозы истории: Науч. альманах. Вып. 10. Псков: Псковск. гос. ун-т, 2017. С. 35–92.
7. Сеницын А. А. Канаты и мосты греко-персидской войны // Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. — VI в. н. э. / под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Сеницына, Е. В. Смыкова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 137–171.
8. Сеницын А. А. Замечания к стратегии Фукидида 424/3 г. до н. э. // ПЕНΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О. Л. Габелко, А. В. Махлаюка, А. А. Сеницына. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 123–128.
9. Сеницын А. А., Светлов Р. В. Полис, театр, политика: мудрец Сократ, его воспитанник и заступник Алкивиад, злободневная комедия Аристофана «Облака» и идеологическая борьба в демократических Афинах (Предисловие к новой публикации статьи В. Г. Боруховича «Аристофан и Алкивиад») // ESSE: Исследования по философии и теологии. 2019. Т. 4. № 1. С. 401–485.
10. Суриков И. Е. Геродот. М.: Молодая гвардия, 2009. 412 с.
11. Aristophanes and Politics: New Studies / ed. by R. M. Rosen, H. P. Foley. Leiden; Boston: Brill. 286 p.
12. Bétant E.-A. Lexicon Thucydideum. Vol. 2. Genevae: Carey, 1847. 522 p.
13. Dewald C. Humour and Danger in Herodotus // The Cambridge Companion to Herodotus / ed. by C. Dewald, J. Marincola. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 145–164.
14. Dover K. J. Aristophanes 'Clouds' / ed. with Introduction and Commentary by K. J. Dover. Oxford: At the Clarendon Press, 1968. CXXXVIII, 285 p.
15. Fornara C. W. The Nature of History in Ancient Greece and Rome. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1983. XIV, 215 p.
16. Henderson J. Thucydides and Attic Comedy // The Oxford Handbook of Thucydides / ed. by R. K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 605–620.
17. Lateiner D. Heroic Insults: Dis-Honor in Homeric Discourse. San Diego: State University, 2004. 27 p.
18. Lateiner D. Ou kata Nomon: Obscene Acts and Objects in Herodotus' Histories // Ancient Obscenities: Their Nature and Use in the Ancient Greek and Roman Worlds / ed. by D. M. Dutsch, A. Suter. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. P. 91–124.
19. Malitz J. Thukydides' Weg zur Geschichtsschreibung // Historia. 1982. Bd. 31. H. 3. S. 257–289.
20. Meier M. [Rez.:] Hans-Peter Stahl: Thucydides. Man's Place in History, London: The Classical Press of Wales 2003 // Sehepunkte: Rezensionjournal für die Geschichtswissenschaften.

Bd. 4. 2004. Nr. 11. [15.11.2004] URL: <http://www.sehepunkte.de/2004/11/5918.html> (дата последнего обращения: 12.09.2020).

21. The Political Theory of Aristophanes: Explorations in Poetic Wisdom / ed. by J. J. Mhire, B.-P. Frost. Albany, NY: State University of New York Press, 2014. 370 p.

22. Nesselrath H.-G. Ancient Comedy and Historiography: Aristophanes Meets Herodotus // Ancient Comedy and Reception: Essays in Honor of Jeffrey Henderson / ed. by S. D. Olson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. P. 51–61.

23. Ruffell I. A. Politics and Anti-Realism in Athenian Old Comedy — The Art of the Impossible. Oxford: Oxford University Press, 2011. XII, 499 p.

24. Rutherford R. B. Herodotean Ironies // *Histos*. Vol. 12. 2018. P. 1–48.

25. Schwarze J. Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München: C. H. Beck, 1971. 219 S.

26. Sells D. Parody, Politics and the Populace in Greek Old Comedy. London et al.: Bloomsbury Academic, 2019. IX, 291 p.

27. Sidwell K. Aristophanes the Democrat: The Politics of Satirical Comedy During the Peloponnesian War. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. XV, 407 p.

28. Sinitsyn A. A. τὰ ὄπλα τῶν γεφυρέων of the Persian War: Herodotus on the Banishment of the Barbarians out of Europe and the issue of the Completeness of the First the 'History' // *Acta Archaeologica Lodziensia*. 2019. Vol. 65. P. 83–124.

29. Slater N. W. Making the Aristophanic Audience // *American Journal of Philology*. 1999. Vol. 120. No. 3. P. 351–368.

30. Stahl H.-P. Thukydides. Die Stellung des Menschen im geschichtlichen Prozess. München: Beck, 1966. VIII, 187 S.

31. Steinbock B. Social Memory in Athenian Public Discourse: Uses and Meanings of the Past. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. XII, 411 p.

32. Strasburger H. Komik und Satire in der griechischen Geschichtsschreibung dargebracht von Freunden und Schülern // Festgabe für Paul Kirn zum 70. Geburtstag / hrsg. von E. Kaufmann. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1961. S. 13–45.

33. Tsakmakis A., Kostopoulos Y. Cleon's Imposition on his Audience // Thucydides — A Violent Teacher? History and Its Representations / ed. by G. Rechenauer, V. Pothou. Göttingen: V&R unipress, 2011. P. 171–183.

34. Vickers M. J. Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays. Austin: University of Texas Press, 1997. XXXIV, 255 p.

35. Vickers M. J. Sophocles and Alcibiades: Athenian Politics in Ancient Greek Literature. Ithaca: Cornell University Press, 2008. X, 205 p.

36. Vickers M. J. Aristophanes and Alcibiades: Echoes of Contemporary History in Athenian Comedy. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. XXI, 241 p.

37. Walbank F. W. History and Tragedy // *Historia*. Bd. 9. H. 2. 1960. P. 216–234.

38. Will W. Herodot und Thukydides: Die Geburt der Geschichte. München: C. H. Beck, 2015. 280 S.

39. Zegers N. Wesen und Ursprung der tragischen Geschichtsschreibung. Inaugural-Dissertation... der Universität zu Köln. Köln [o.V.], 1959. 88 S.